

Развитие психотерапии как объекта целостного понимания и системного исследования

Н. С. Бурлакова

кандидат психологических наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

В. И. Олешкевич

кандидат философских наук, клинический психолог высшей категории детской поликлиники № 67

На основе критического анализа предпринятых в современной психологии исследований психотерапии показана их недостаточная методологическая проработанность. Предлагается новый подход к пониманию сущности психотерапии и ее развития как фундаментального (исторически с необходимостью возникающего) явления европейской культуры, т. е. как культурно-исторического феномена в полном смысле этого слова. Делается вывод о том, что сущность и целостность психотерапии можно понять только изнутри развития новой европейской психотехнической культуры. На этой основе предлагается целостный, системный и генетический подход к пониманию психотерапии и возможностям ее исследования. В статье намечаются адекватные для понимания и исследования данного предмета шаги его изучения, а также выделяются направления построения конкретных частных исследований. Особое внимание обращено на выделение уровней функционирования и развития психотерапии, предлагаются методологические основы исследовательских переходов от одного уровня к другому, вплоть до анализа индивидуального случая. Излагаются и обобщаются некоторые результаты, полученные авторами статьи, в рамках намеченного исследовательского проекта.

Ключевые слова: целостное понимание и системное исследование развития психотерапии; культурно-исторический подход к исследованию психотерапии; психотехническая культура; история и логика развития психотерапии; социальная основа и социальные источники появления психотерапии; методологические схемы изучения психотерапии.

Психотерапия сегодня как за рубежом, так и в нашей стране существует как устойчивое систематически развивающееся социальное и культурное явление, впрочем, достаточно пестрое и разнообразное. Потребность восполнить дефицит научных представлений о психотерапии и ее эффективности, характере процессов, происходящих внутри диады «терапевт-пациент», особенностях профессиональной идентичности и этапах профессионального развития психотерапевтов и т. д. актуализировала ряд исследовательских проектов, в том числе международных, которые были преимущественно реализованы начиная с 80-х гг. XX в. [3; 9; 11; 18; 19; 26; 27; 29; 30]. Их инструментальное исполнение базируется и на изучении отдельных психотерапевтических случаев, и рандомизированных выборок пациентов, и на основе осуществления метаанализа уже проведенных научных исследований. Эти исследования на сегодняшний день институционализированы, что произошло с момента основания Общества по Исследованию психо-

терапии в 1968 г. (Society for Psychotherapy Research), которое охватывает не только англо-американское пространство, но и европейское, имея соответствующие филиалы [28]. Другими специализированными обществами, состоящими из большого количества психотерапевтов из разных стран, которые прошли разный профессиональный путь и принадлежат к различным теоретическим ориентациям, являются Общество по изучению психотерапевтической интеграции (Society for the Exploration of Psychotherapy Integration) и Сеть сравнительных исследований (Collaborative Research Network) (CRN)).

Однако несмотря на большое количество и многообразие исследований психотерапии очевидным является их разнонаправленность, недостаточная теоретическая и методологическая обоснованность, а часто и поверхностность. Складывается впечатление, что многие из осуществленных проектов упускают важные и существенные момен-

ты изучаемого ими явления. Во всяком случае, часто ответ на вопрос о том, что такое психотерапия, подменяется обсуждением частных моментов психотерапевтической практики, являясь поэтому односторонним и зачастую грубо эмпиричным. Большинство исследований производилось психотерапевтами, психологами или врачами, которые психотерапию рассматривали как феномен специфически клинический, что значительно ограничивает значение этих исследований. Сегодня понятно, что психотерапия — это нечто значительно большее, чем область клинической практики. Перефразируя слова М. Фуко о том, что невозможно увидеть суть клиники, находясь внутри нее, можно сказать, что невозможно понять и сущность психотерапии, оставаясь только в рамках ее клинических исследований. Кроме того, важно понимать, что каждое направление подобных исследований вкладывает свой более или менее специфический смысл в само понятие психотерапии, и поэтому полученные результаты часто трудно сравнивать друг с другом. Вместе с тем и узко философские исследования психотерапии тоже достаточно ограничены, они зачастую изучают лишь поверхностную теоретическую часть психотерапии, но мало интересуются культурологией и социологией клинико-психотерапевтических практик и т. п.

Психотерапия как развивающееся культурное явление значительно шире собственно клинической психотерапии, поэтому ее важно понять как некое более широкое и развивающееся историко-культурное целое. В отечественных изданиях ряд публикаций был посвящен вопросам культурологической рефлексии феномена психотерапии, характеру условий институционализации психотерапии в культуре [6], уяснению особенностей «новой антропологической практики» [8], а также попыткам целостного анализа психотерапевтических техник с позиций культурно-исторического подхода [7]. Конечно, можно анализировать психотерапевтические техники, в том числе и в рамках «целостного» их видения, но техники — это только некоторая часть психотерапии, и может статься, что не основная, поэтому исследуя их, можно упустить из виду некоторые важнейшие элементы психотерапии, например, характер ценностей, заключенных в том или ином виде психотерапии, ее цели, имплицитные представления о человеке и смысле человеческой жизни и т. п. Безусловно, необходимо изучать историю психотерапии, но это является только материалом для понимания ее сущности. Например, понятно, что это не просто один из способов помощи современному человеку, ведь психотерапия — это также и форма его самосознания. Изучение институционализации психотерапии или же «процесса превращения ее в самостоятельную сферу культуры» также не может само по себе ответить на основной вопрос о *сущности психотерапии*, поскольку психотерапия — это нечто большее, чем социальный институт, так же

как католическая религия в Средние века была чем-то большим, чем социальная организация или сфера культуры и т. п.

Системное, рефлексированное и детализированное изучение психотерапии, но одновременно и постижение ее сущности, с нашей точки зрения, оказывается возможным только в рамках культурно-исторического ее понимания и осмысления. А это значит, что необходимо понять психотерапию как явление определенной культуры, внутри определенных культурно-исторических процессов, частью которых она является и в контексте которых происходит ее развитие. Здесь видится необходимость решить несколько первоочередных вопросов: 1) в рамках какого типа культурно-исторических целостностей важно понимать психотерапию? 2) какого рода базовые интегральные представления необходимо иметь, чтобы «схватить» многообразие практик, идеологий и пр., представляющих современную психотерапию в нынешней культурной ситуации в ее целостности и развитии? 3) в силу того что психотерапия — это не только многообразие, но и определенная культурно-историческая иерархия явлений самосознания и представляет собой некоторую стратифицированную культурно-историческую и психотехническую реальность, возникает вопрос об определенном иерархическом устройстве психотерапевтической реальности и возможности построения соответствующей онтологической картины; 4) имеющаяся на сегодняшний день разнородность исследований психотерапии, реализация их на разных уровнях ее представленности при отсутствии методологической рефлексии характера и типа таких исследований приводит к тому, что они, хотя и по-разному, но как будто «повисают в воздухе»; вопрос состоит в том, возможно ли их собрать в рамках единого и целостного исследовательского поля.

Таким образом, цель статьи состоит в том, чтобы, отвечая на данные вопросы, опираясь в том числе и на ранее проведенные собственные исследования, наметить пути понимания, что такое психотерапия в своей сущности и целостности, прочертить пути построения онтологической картины психотерапии как развивающегося целого, а затем попытаться также обозначить и основные методологические схемы изучения психотерапии. В целом статья носит программно-методологический характер.

Прежде всего необходимо понять, к какому социальному и культурному уровню реальности следует отнести феномен психотерапии. Существуют две противоположных точки зрения. Первая состоит в утверждении, что психотерапия существовала всегда. И действительно, в рамках всех религий, историко-социальных и культурных институтов всегда можно найти значимые элементы психотерапии. С этой точки зрения, психотерапия является культурно-исторической формой, которая всегда сопровождала человеческое существование. Более того, она выступает необходимым элементом функциони-

рования и развития человеческого самосознания, так что если бы в культуре не существовало психотерапевтического элемента, человек просто бы не смог выжить. Вторая точка зрения состоит в том, что психотерапия в современном понимании этого слова является феноменом, который получает свое развитие только в XX в., начиная с работ З. Фрейда, А. Адлера и К. Юнга.

С нашей точки зрения, эти два взгляда на сущность психотерапии в целом не противоречат друг другу. В этой связи нами вводится и разрабатывается понятие «психотехническая культура», понимаемая как более или менее законченная система ценностей, средств, техник и т. п., направленных на производство, воспроизводство и развитие человеческого сознания [17]. Всякая психотехническая культура в обязательном порядке содержит пласт психотерапии в узком смысле этого слова. С этой точки зрения, ту психотерапию, которая получает свое развитие, опираясь на исследования гипноза, работы З. Фрейда, И. П. Павлова и многих других авторов в XX в., следует рассматривать как явление новой психотехнической культуры. На наш взгляд, именно такое рассмотрение современной психотерапии наиболее точно с культурно-исторической точки зрения обрамляет совокупность соответствующих явлений и онтологически верно задает их целостность. Данный подход к пониманию целостности психотерапии позволяет проникнуть в некоторое глубинное единство психотерапии, в рамках которого, например, психоанализ не является противоположностью бихевиоральному направлению, но они рождаются изнутри некоторого единого европейского самосознания, оказавшегося в кризисной ситуации [14].

Но чтобы проникнуть в это единство самосознания, необходимо погрузиться в то культурное целое, внутри которого рождается и развивается психотерапия XX в. Всякое явление культуры, всякий социальный институт можно по-настоящему понять лишь изнутри развивающегося целого социокультурного организма, исходя из понимания определенных потребностей общества и индивидов, его составляющих. Например, феномен развития европейской науки оказывается непонятым без принятия во внимание кризиса средневекового христианства и развития новых социально-экономических отношений в западных обществах, поскольку новые идеалы науки содержатся в развитии самого христианства в позднем Средневековье и в эпоху Возрождения [12]. Нечто подобное можно сказать и по отношению к пониманию современной психотерапии. Уже давно стало очевидным, что она не является просто определенной клинической областью, но представляет собой более широкое явление культуры, имеющее свою историю, которую психотерапия в некотором свернутом виде всегда сохраняет в себе. Более того, психотерапия сохраняет глубинную и неразрывную связь с культурно-историческими условиями

своего возникновения. История социальных трансформаций взаимодействий и отношений в паре «врач и пациент» от классической эпохи к эпохе романтизма, а затем «взрыву» в отношениях в случае Анны О. [10; 23] и последующее развитие психоанализа вплоть до настоящего времени показывают, как условия культуры в отдельную историческую эпоху создают почву для формирования новых терапевтических отношений и соответствующих методов лечения, и как эти условия закрепляются в методах психотерапии.

Таким образом, психотерапия сохраняет в своей структуре культурно-исторические условия собственного происхождения. В этой связи необходим анализ психотерапии также и сквозь «большое историческое время», в этом случае можно увидеть, как история и исторические условия происхождения психотерапии продолжают жить в актуальном процессе отношений психотерапевта и пациента [23; 24; 17 и др.]. В этом отношении важной задачей является исследование истории психотерапии с уяснением культурно-исторических условий и механизмов появления новых открытий в психотерапии, новых школ, направлений и т. п. Например, чтобы с этой точки зрения понять психоанализ, необходимо на основе изучения культурно-исторической ситуации, сложившейся в Вене в конце XIX в., ответить на вопрос, каким образом неврозы «фрейдовского типа» (на основе которых Фрейд открывает психоанализ) становятся достаточно массовым явлением в культуре [22; 24]. Важно верифицировать ту социальную группу пациентов, с которыми начинает работать Фрейд, понять социальные и культурные механизмы формирования соответствующего типа неврозов и т. п. На основе такого анализа мы приходим к выводу, что социокультурной базой для формирования фрейдовской теории явились целый ряд условий и культурно-исторических факторов. В частности, условием возникновения теории неврозов и теории личности Фрейда стали набирающие силу процессы женской эмансипации, эмансипации социальных меньшинств, кризис традиционных ценностей в среднем классе и др. Следует также выделить, например, те социальные группы, внутри которых впервые «производятся» новые психические явления, и которые первыми принимают новые концепции и т. п. На этом основании мы утверждаем, что теория Фрейда не безусловна, но имплицитно определена определенной культурно-исторической ситуацией. Реконструируя условия истинности теории Фрейда, одновременно удастся понять ее производность культурно-историческими реалиями, а также ее гносеологическую ограниченность. Нечто подобное следует сказать и о психотерапии А. Адлера, К. Г. Юнга, бихевиоральном подходе и т. п. Именно социальная и культурная история этих разновидностей психотерапии дает возможность их понимания внутри целого культуры, уяснения условий их возможности и терапевтических границ. Насколько нам известно, история, о ко-

торой в данном случае идет речь, до сих пор не написана.

Не учитывая этой истории и не углубляясь специально в ее исследование, невозможно составить культурно-историческое представление о современной психотерапии. Сущность психотерапии — это совсем не то, что мы встречаем на социальной поверхности культуры. Во всяком случае, это не совокупность методик и даже не совокупность многочисленных психотерапевтических направлений. Современная психотерапия определяется некоторым сложным и неоднородным полем культурного опыта людей, отображает его, работает с ним и с соответствующими способами социального и индивидуального контроля этого опыта, которые сложились в обществе.

Психотерапия входит в характерную для данной эпохи психотехническую культуру, культуру воспроизводства и развития сознания людей [17; 14]. И именно внутри соответствующей психотехнической культуры, внутри ее ценностей она может быть адекватно понята. Психотехническая культура имеет свою историю, базовую структуру и определенное иерархическое строение. Она вначале появляется в рамках узкой социальной группы, а затем постепенно распространяется на все общество (как это происходило, например, с первоначальным христианством, буддизмом, протестантством, а в прошлом столетии — с психоанализом и т. п.), в этом состоит некоторый горизонтальный срез развития психотехнической культуры. Но развитая психотехническая культура имеет также и определенную иерархическую структуру. На вершине этой иерархии мы имеем представление о человеке, о его природе, смысле его существования и о том, как стать «настоящим» (полноценным) человеком. Здесь существуют базовые тексты, изображающие положение человека в мире, его возможности и предписывающие, что человек должен делать, чтобы достичь значимых целей. Далее, существуют соответствующие социальные и культурные институты, призванные реализовать в конкретных группах людей эти базовые идеи, представления, а также конкретные психотехники* наряду с соответствующей знаковой средой, которая окружает людей и т. п. И, наконец, существует реальная психотехника конкретных групп индивидов и каждого отдельного человека, жизненно «реализованная» психотехника («жизненная идеология», согласно М. М. Бахтину, или «натуральная философия», по М. К. Мамар-

дашвили), позволяющая судить о том, как люди воплощают эти идеи, как они, собственно, живут и воспроизводят себя в жизни. В рамках описанной схемы функционирования психотехнической культуры появляется обоснованная возможность осуществления исследований психотерапии в так называемом синхроническом разрезе, когда она будет описываться на разных уровнях функционирования психотехнической культуры.

Новая психотехническая культура возникает в истории в условиях кризиса, когда механизмы старой культуры уже не срабатывают, поскольку изменяется сознание людей. Например, психоанализ возникает именно как реакция на кризисные явления в европейской культуре, возникает тогда, когда старая психотехническая культура уже недостаточна. Но это не значит, что он возникает на пустом месте. Нет, психоанализ в его сущности глубоко укоренен в историю европейской культуры и в этом смысле он действительно является, по словам К. Г. Юнга, некоторым продолжением традиции исповеди. И когда К. Г. Юнг пишет, что психоанализ является продолжением католической исповеди, он имеет в виду именно такую культурную историю психотерапии [25]. Но, конечно, психоанализ — это не исповедь, но некоторое специфическое продолжение и развитие соответствующей психотехнической схемы в кризисной культурной ситуации конца XIX в.

Таким образом, новая психотерапия возникает на определенной стадии развития европейского самосознания, в ситуации его кризиса («расщепления», образования новых областей внутренних конфликтов и т. п.) и формируется в рамках развития новой психотехнической культуры, которая, в свою очередь, начинает оказывать значительное влияние (как изнутри, так и извне) на все области европейской культуры (искусство, науку, образ жизни и т. д.). Целостное понимание развития психотерапии XX в. означает, с нашей точки зрения, видение ее как явления новой психотехнической культуры, как реализацию содержащихся в «корневых», порождающих структурах развития психотерапии, заложенных в ней тенденций, а также понимание динамики реагирования психотерапевтического сознания на определенные последовательные ситуации, складывающиеся в европейской культуре. Это преимущественно понимающий, герменевтический подход, задающий ту целостность, которая подлежит дальнейшему де-

* Термин «психотехника» в современной научной литературе определяется в различных смыслах и по отношению к различным уровням анализа психологии и психологической практики. В данной статье это понятие используется в двух основных смыслах: 1) психотехника понимается как «материя» определенной психотехнической культуры. В этом отношении можно говорить о психотехнике, существующей в католической психотехнической культуре, протестантской психотехнической культуре, психотехнической культуре дзен-буддистского монастыря и т. п. Психотехника отнюдь не сводится к набору техник, в нее включаются ценности, идеологии, представления о мире, о «настоящем» человеке. В таком понимании психотехника более первична и фундаментальна, чем какая-либо психология. Так, например, фрейдовская психотерапия «производит» психоаналитическую психологию и является лабораторией для ее возникновения; 2) понятие психотехника используется для задачи фиксации технического элемента определенной психологической практики как в узком, так и в более широком значении. Например, в этом случае речь может идти о психотехнике переноса или психотехнике осознания, психотехнике подкрепления и т. д.

тальному исследованию, он, например, означает видение психотерапии Фрейда, Адлера, Юнга, Перлза, Роджерса и других в рамках развития некоторого единого психотехнического пространства. Последующий системный анализ предполагает последовательное аналитическое и рефлексированное разбиение этого целого на последовательные, предполагающие друг друга и иерархически организованные предметы исследования, а также фиксацию переходов между ними. Соответственно, предполагается культурологический анализ психотерапии (как в целом, так и в рамках отдельных ее направлений), социологический, семиотический, непосредственно психотехнический анализ психотерапии, анализ динамики ее развития, выделение направлений и тенденций развития психотерапии и т. п., но такой анализ не должен терять целого, к которому должен всегда возвращаться.

По мнению большинства психоаналитиков, психоанализ — это прежде всего клиническая наука. И в некотором роде это действительно так, если смотреть на это изнутри самого психоанализа как клинической практики. Но с такой позиции нельзя понять психоанализ как глубинное культурно-историческое явление. Очевидно, что психоанализ является чем-то значительно большим, чем клинический психоанализ. Это, например, подтверждается тем, что он порождает целое древо новых видов и направлений психотерапии, которые объединяются общей психотехнической схемой осознания. И все эти новые направления по-своему «глубинны». В этой связи одной из задач исследования психотерапии является изучение изменений и трансформаций схемы организации осознания как в самом психоанализе, так и в последующих (так или иначе связанных с ним) направлениях психотерапии. Иными словами, ценность самоосознания остается незабываемой в рамках данной линии развития психотерапии, но развиваются методы и подходы к организации осознания. Другой задачей исследования в рамках глубинной психотерапии является изучение соотношения психотехнической схемы (метода) психотерапии и соответствующей ей онтологии психики, а соответственно, и предметностей, на которые направлено осознание [17; 14].

При опоре на понимание культурно-исторического целого глубинной психотерапии (психотерапии, ориентированной на самоосознание) появляется обоснованная возможность постановки и более частных исследовательских задач. В этом контексте может быть поставлена задача исследования логики развития психотерапии. С одной стороны, здесь возможно выделение и анализ различных линий развития психотерапии, которые оказываются разнородными и разнонаправленными. Например, одной линией развития будет движение от фрейдовской теории либидо к теории сексуальной энергетике и психоэнергетики В. Райха, затем к А. Лоуэну и Ф. Перлзу. Другая линия представляет собой дви-

жение от З. Фрейда к А. Адлеру, затем к К. Хорни и другим неофрейдистам и к Э. Эриксону. Это линия перехода от биологизма Фрейда к социальным и культурным объяснениям психического развития. Третью линию можно описать как движение от З. Фрейда к А. Фрейд, Х. Хартману, к американской эго-психологии и Э. Эриксону. Видно, что эти линии на уровне конкретных психотерапевтов «не чистые»: Э. Эриксон, к примеру, одновременно участвует в двух линиях или, иначе говоря, его «производят» две линии развития психотерапии. Четвертую линию можно описать как движение от Фрейда к М. Кляйн (через К. Абрахама) и к теориям объектных отношений (Д. В. Винникотт, М. Малер и др.). Пятая линия представляет собой движение от Фрейда к Адлеру, а затем к теории нарциссизма Х. Кохута и т. д. Это линии развития определенных содержаний, идей и методов, которые в большей или меньшей степени содержались во фрейдовском психоанализе. И речь здесь идет не просто о «растаскивании» психоанализа, но о развитии определенных, содержащихся или лишь намеченных в нем моментов. С другой стороны, задаваясь вопросом о возможности такого действительно «растаскивания» психоанализа, необходимо, в рамках герменевтического круга понимания, снова возвратиться к уяснению специфики целостности фрейдовского психоанализа.

При исследовании психотерапии следует иметь представление не только о том культурном целом, внутри которого происходит ее развитие, но и понимать те многообразные и многоуровневые диалоги, которые инициировали постановку новых проблем и новые их решения. В рамках этих диалогов происходили и интегративные явления в психотерапии. Существует еще одно измерение в исследовании логики развития психотерапии. Речь идет о заимствованиях, влияниях одних авторов на других, сознательном и бессознательном диалоге как средстве развития новых психотерапевтических образований. Именно результатом такого напряженного (как открытого, так и скрытого) диалога между Фрейдом, Адлером и Юнгом является фрейдовская теория нарциссизма [16]. Другими словами, существует также логика интеграции. Именно в ее рамках (интегрируя теории Фрейда и Адлера) Х. Шульц-Хенке создает свою концепцию неопсихоанализа.

Далее, фрейдовский психоанализ составляет лишь одно ядро развития психотерапии. Другим ядром является бихевиоризм, который имеет свое собственное развитие. И эти направления развития психотерапии кажутся чуждыми друг другу. Изнутри клинической психотерапии, действительно, так дело и обстоит. Но культурологический анализ психотерапии показывает, что оба эти направления описывают с разных сторон одно и то же расщепленное европейское сознание [14]. И такая психотерапевтическая оппозиция оказалась необходимой, эвристичной и некоторое время продуктивной. Но

уже А. Адлер стремился соединить психотехнику осознания и психотехнику формирования поведения, и в дальнейшем этот процесс продолжается, например, в когнитивно-бихевиоральной психотерапии. Здесь видится еще один аспект развития психотерапии и соответствующая задача исследования. Сегодня в любом виде когнитивно-бихевиоральной терапии находится элемент осознания, а в современном психоанализе осознается проблематика подкрепления [21; 14]. Всякий психотерапевтический подход, направление психотерапии или психотерапевтическую методику для рефлексированного их понимания важно описать через психотехническую оппозицию «осознание/формирование» (например, подкрепление, внушение, интерпретация и т. п.). Психотехники организации самоосознания и организации формирования являются базовыми в европейской психотерапии, они определяют также две крайние позиции в организации психотерапевтического процесса.

В рамках психотехнической схемы самоосознания существует еще одна проблема понимания и исследования психотерапии. Она состоит в том, что мы имеем дело не с некоторым однородным и непрерывно развивающимся опытом, но с опытом принципиально неоднородным. В XX в. социальный и культурный опыт западного человека перестает быть однородным и это непосредственно отражается на развитии психотерапии. Поэтому различие подходов к психотерапии З. Фрейда, А. Адлера, К. Г. Юнга нужно понимать именно таким образом. При формулировании своих концепций психотерапии они опирались на различные структуры европейского опыта и, соответственно, на различные способы интерпретации проблемных ситуаций развития индивида в условиях европейской культуры. Таким образом, это три, хотя и имеющих общий культурный источник, но совершенно равноправных направления развития психотерапии [24; 13; 15]. На поверхностном социальном уровне они, конечно, связаны между собой, полемизируют и взаимно обогащают друг друга, но на уровне экзистенциальном они совершенно различны. Например, у них совершенно разные цели и ценности психотерапии, также как и представления о структуре психического здоровья и значении человеческой жизни.

Эти три направления психотерапии в условиях кризиса европейской культуры апеллируют к разным сторонам социокультурного опыта индивида. Можно сказать, что проблемная ситуация человека в культуре XX в. здесь проецируется на три психологических плоскости. Их можно условно обозначить как психодинамическую (или психоэнергетическую) плоскость (Фрейд), психосоциальную (Адлер, у которого человек представлен как сплошь социальное существо) и «культурную» (Юнг, который стремится ввести в сферу психологической рефлексии опыт религий, оккультизма, а в центр психотерапии ставит проблему индивидуации и т. д.). Реконструируя социальные, культурные и экзистенциальные

условия развития психологии и психотерапии Фрейда, Адлера и Юнга, мы можем выделить и понять три важных экзистенциальных точки роста современной психотерапии, три корневые порождающие структуры, на которых (или из которых) произрастает дерево современной психотерапии (прежде всего психотерапии, ориентированной на осознание) и психологии в целом.

Во всяком направлении психотерапии существует соответствующий ему образ Другого и представление о структуре болезни, а на основании этого рождается и взгляд на возможного пациента. Известно, что определенные направления психотерапии имеют своих пациентов. У Адлера были пациенты из другой социальной группы, нежели у Фрейда. Фрейд подчеркивал, что психоанализ не пригоден для работы с низшими социальными слоями и т. п. Юнг писал, что к нему на психотерапию редко приходят католики, но обычно протестанты или иудеи, т. е. представители тех конфессий, где психотерапевтический элемент в их психотехнической культуре оказался ослаблен [25]. Иными словами, каждый вид психотерапии имеет своего «идеального пациента» и создается на материале соответствующих клинических групп. И представления о причинах болезни и ее структуре в разных направлениях психотерапии различное. Например, Фрейд говорит о вытеснении, фиксациях, регрессии, Адлер исследует чувство неполноценности и ослабление социального интереса, а Юнг объясняет болезнь компенсацией бессознательным односторонней сознательной установки. В этом отношении следует очень осторожно говорить о психотерапии «вообще». Это еще один предмет исследования психотерапии — исследование социальной основы и социальных источников появления различных психотерапий, социальных и культурных особенностей и потребностей группы пациентов, характерных для определенных видов психотерапии. Можно даже говорить о некоторой заданности этой группой значимых особенностей определенного вида психотерапии. Важно также осознать, как определенная психотерапия, откликаясь на проблемы определенной группы пациентов, отображает и в конечном счете абсолютизирует их, а свои психотехнические конструкции превращает в некий общий предмет психологии в целом. Так это было у З. Фрейда, А. Адлера и многих других психологов и психотерапевтов. Все это подлежит соответствующей реконструкции. Новый вид психотерапии обычно возникает в некоторой новой, проблемной социальной ситуации, которая определяет самосознание определенных групп людей. Это самосознание психотерапия в себе и отображает. Поэтому можно ставить двоякую исследовательскую задачу: исходя из анализа психотерапии, реконструировать самосознание той социальной и культурной группы пациентов, с которой она эффективно работает, и, наоборот, исходя из анализа опреде-

ленного проблемного самосознания некоторой социальной группы понять адекватную для него психотерапию.

История психотерапии и пути ее развития не являются некоторыми линейными процессами, не являются они и процессами, которые определяемы лишь логикой развития самой психотерапии. Линии развития психотерапии всегда преломляются определенными проблемными ситуациями в культуре, так что новый вид психотерапии — это всегда определенная реакция на проблемы самосознания людей и обычно на проблемы нового типа. Известно, что психотерапия Фрейда отображает определенную культурно-историческую ситуацию, а вместе с ней и сознание определенного типа человека [24; 17]. Психологии Э. Эриксона, К. Роджерса и др. немыслимы вне проблемных ситуаций американского общества и движений контркультуры и т. п. Развитие психоанализа и последующей психотерапии происходит, отнюдь, не по прямой линии последовательного прогресса (а именно так обычно излагается история психологии и психотерапии), но всегда в форме определенного ответа некоторого исторического самосознания на новые социальные ситуации развития индивида в определенном обществе. К примеру, в обществе появляются новые расстройства (или, точнее, общество производит новые психические расстройства), и это приводит к изменению психотерапевтических методов. Когда в сферу психоанализа входят дети, меняются и его методы, что затем, в свою очередь, влияет и на психоанализ взрослых, и т. д. [4]. Но дети входят в сферу интересов психотерапии и психоанализа, в частности, не только по логике «естественного» развития психотерапии, но и вследствие более фундаментальных изменений в отношении к ребенку в культуре.

Иными словами, психотехническая культура и психотерапия как ее составная часть глубинно связаны с определенным самосознанием людей и культурной ситуацией в определенную историческую эпоху. Так что, изучая самосознание определенной группы индивидов, мы понимаем также условия возможности зарождения и условия последующего воспроизводства определенных видов психотерапии. Важно отметить, что соответствующие социальные и культурные явления не просто способствуют развитию определенных психологий (и видов психотерапии, соответственно), но входят в их внутреннюю структуру. Такие виды психотерапии адекватны тем культурно-историческим ситуациям, которые их порождают, и тем первичным задачам, которые они решают. Но обычно психотерапия, развиваясь, пытается расширить объект своего охвата, она переносит схемы работы с первичным объектом на более широкий круг проблем, в том числе проблем, инициированных новыми культурными ситуациями, и тогда она вступает в ситуацию кризиса. Осознать границы психотерапии можно, изучая ее структуру в определенной исторической

ситуации, в этом случае удастся понять организацию сознания тех социальных и культурных групп людей, потребности которых данные виды психотерапии обслуживают.

Подведем некоторые итоги. Психотерапия существует в обществе и для общества, она является частью более широкого социального целого. И только опираясь на анализ этого более широкого социального целого, можно понять социокультурную обусловленность и возможности как психотерапии в целом, так и отдельных ее видов и направлений. Только мысленно проникая в социально-экзистенциальные ситуации возникновения определенных видов психотерапии в их целостности, можно понять сущность и смысл психотерапии З. Фрейда, психотерапии А. Адлера, К. Г. Юнга, К. Роджерса. Благодаря этому мы получаем некоторый экзистенциальный горизонт понимания и исследования психотерапии, проникаем в ее живую реальность. Без ориентации на такой горизонт понимания психотерапия в своей сущности остается непонятной. И, к сожалению, сегодня она таковой и остается, в учебниках и лекционных курсах она чаще всего излагается лишь аддитивно: «рассмотрим психоанализ Фрейда», «затем разберем клиент-центрированную психотерапию Роджерса» и т. д.

Поскольку психотерапия имеет своим условием определенную структуру проблемных ситуаций в обществе, она представляет собой некоторое целостное пространство социального и культурного опыта. И именно оно должно стать важнейшим предметом исследования психотерапии. Но это целое, эти структуры опыта изменяются вместе с развитием общества. Соответственно, чтобы понять развитие психотерапии в этом смысле, необходимо разобраться не только в изменениях, происходящих в самой психотерапии, но и в тех метаморфозах в обществе, которые обрамляют или порождают эти изменения. Также важно исследовать связи между формированием новых общественных (групповых, индивидуальных) потребностей и проблем, появлением новых социальных (в том числе клинических) объектов и развитием новых явлений в психотерапии. Одним из результатов такого рода изучения психотерапии должно стать описание ее истории в контексте обрамляющей ее социальной и культурной истории соответствующих обществ и развития европейской культуры в целом.

Опираясь на такое целостное понимание современной психотерапии и ее проблемного поля, можно задать социокультурный контекст исследования определенной школы психотерапии. Необходимо также исследовать диалог данной школы с другими, существующими в это же время направлениями психотерапии. Изучение этих диалогических контекстов развития психотерапии также является условием ее понимания. Например, развитие психотерапии А. Адлера трудно понять вне его диалога с З. Фрейдом. Но и, наоборот, трудно понять некоторые идеи Фрейда, не встраивая их развитие в его диалог с Ад-

лером и Юнгом [16]. Этот пример показывает, что исследование одного направления психотерапии вынуждает нас ориентироваться в общем контексте психотерапевтического движения в определенное время.

Исследуя отдельное направление психотерапии, прежде всего необходимо установить связь метода, принятого в рамках данного направления психотерапии и ее первичного объекта. К примеру, для уяснения значения психоаналитического метода важно понять его первичный объект — женскую истерию, а также условия культурного производства такого рода объектов во времена формирования психоанализа. При этом следует понять, что объектом психотерапии всегда выступает массовый клинический объект, который производит культура в определенное время. Впоследствии, благодаря попаданию в область интересов психоанализа новых объектов (таких как ребенок, делинквентные подростки, нарциссические личности, психозы, тяжелые личностные расстройства и т. п.), происходит изменение не только методики психоаналитической психотерапии, но и представлений о психике [4]. Но развитие психотерапевтических методов можно и нужно проследить и в рамках развития психотерапии, ориентированной на один тип объектов, в рамках реконструкции определенных цепочек затруднений в применении терапевтического метода и конструирования в этих ситуациях новых методических подходов к психотерапии. Такую ситуацию мы встречаем у Фрейда (движение от гипноза к технике свободных ассоциаций и к технике анализа переноса, но можно проследить значительно более дробные шаги (см.: [17]) у Адлера, Юнга, А. Фрейд и т. д. [4]. В рамках такого исследования обращает на себя внимание непосредственная связь метода психотерапии и онтологии психики. Например, при исследовании развития психоанализа обнаруживается не только то, что его развитие было связано с проблематизацией предшествующих методов и с созданием новых, но также и тот факт, что каждый новый метод приводил к новым онтологическим картинам психики, а эти представления, в свою очередь, оказывали влияние на становление новых методов и т. д. [17].

На вершине такого рода исследований можно рефлексивно изучать индивидуальный случай в реальном процессе психотерапии. Так, в собственном исследовании, выполненном на материале дословных психотерапевтических встреч, на начальном этапе строилась определенная парадигматика процедур взаимодействия психотерапевта и пациента, описывалась совокупность психотерапевтических функций, а также структур, благодаря которым они реализовывались, что позволило создать функционально-структурную парадигматическую систему данного вида психотерапии, названного психотерапевтом (Е. Т. Соколовой) «интегративной психотерапией “со значимым Другим”». Затем на следующем этапе стало возможным рефлексивное описание синтагматики процесса психотерапии [1; 2; 5; 20]. Одним из выводов, следующим из исследований такого типа, является положение о существовании определенного единства конкретной психотерапии как на парадигматическом, так и на синтагматическом уровне. Из этого следует необходимость нового осмысления того, что называют эклектичностью психотерапии. Как уже говорилось, психотерапия представляет собой некоторое единое культурно-историческое целое. Такую же целостность мы обнаруживаем в рамках исследования конкретного психотерапевтического случая, где включены процедуры, взятые из различных, нередко оппозиционных друг другу психотерапевтических направлений.

7. Венгер А. Л. Культуральный подход в психотерапии // Культурно-историческая психология. 2006. № 1.

8. Воробьева Л. И. Психотерапия как новая антропологическая практика // Культурно-историческая психология. 2008. № 2.

9. Кехеле Х., Томэ Х. Современный психоанализ: исследования. СПб., 2001.

10. Лоренцер А. Археология психоанализа: интимность и социальные страдания. М., 1996.

11. Люборски Л. Принципы психоаналитической психотерапии. М., 2003.

12. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М., 1992.

13. Олешкевич В. И. История психологии как история психотехники // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 2.

14. Олешкевич В. И. История психотехники. М., 2002.

15. Олешкевич В. И. Некоторые подходы к методологии психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1.

16. Олешкевич В. И. Психология и психотерапия А. Адлера. М., 2010.

Литература

1. Бурлакова Н. С. Внутренний диалог в структуре самосознания и его динамика в процессе психотерапии: Дис. ... канд. психол. наук. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996.
2. Бурлакова Н. С. Функционально-структурный анализ деятельности психотерапевта // Журнал практического психолога. 1997. № 5.
3. Бурлакова Н. С., Заряник В. В. Профессиональное развитие психотерапевтов и особенности их психотерапевтической практики (обзор результатов международного исследования) // Журнал практического психолога. 2009. № 6.
4. Бурлакова Н. С., Олешкевич В. И. Детский психоанализ: школа Анны Фрейд. М., 2005.
5. Бурлакова Н. С., Соколова Е. Т. О некоторых результатах внутридиалогического анализа психотерапии // Мир психологии. 1996. № 3.
6. Василюк Ф. Е. Культурно-антропологические условия возможности психотерапевтического опыта // Культурно-историческая психология. 2007. № 1.

7. Венгер А. Л. Культуральный подход в психотерапии // Культурно-историческая психология. 2006. № 1.
8. Воробьева Л. И. Психотерапия как новая антропологическая практика // Культурно-историческая психология. 2008. № 2.
9. Кехеле Х., Томэ Х. Современный психоанализ: исследования. СПб., 2001.
10. Лоренцер А. Археология психоанализа: интимность и социальные страдания. М., 1996.
11. Люборски Л. Принципы психоаналитической психотерапии. М., 2003.
12. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М., 1992.
13. Олешкевич В. И. История психологии как история психотехники // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 2.
14. Олешкевич В. И. История психотехники. М., 2002.
15. Олешкевич В. И. Некоторые подходы к методологии психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1.
16. Олешкевич В. И. Психология и психотерапия А. Адлера. М., 2010.

17. Олешкевич В. И. Рождение новой психотехнической культуры. М., 1997.
18. Роджерс К. Становление личности. Взгляд на психотерапию. М., 2001.
19. Соколова Е. Т. Психотерапия: теория и практика. М., 2002.
20. Соколова Е. Т., Бурлакова Н. С. К обоснованию метода диалогического анализа случая // Вопросы психологии. 1997. № 2.
21. Томэ Х., Кехеле Х. Современный психоанализ: В 2 т. М., 1999.
22. Фромм Э. Миссия Зигмунда Фрейда. М., 1996.
23. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М., 1997.
24. Элленбергер Г. Ф. Открытие бессознательного: В 2 т. Т. 1, 2. СПб., 2001, 2004.
25. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М., 1994.
26. Garfield S. L., Bergin A. E. (eds.). Handbook of Psychotherapy and Behavior Change, 3rd edn. N. Y., 1986.
27. Grawe K., Donati R., Bernauer F. Psychotherapie im Wandel. Von der Konfession zur Profession. Göttingen, 1994.
28. Kachele H. Narration and observation in psychotherapy research. Reporting on a 20 year long journey from qualitative case reports to quantitative studies on the psychoanalytic process // Psychotherapy Research. 1992. V. 2. № 1.
29. Orlinsky D. E., Ronnestad M. H. How psychotherapists develop: a study of therapeutic work and professional growths. Washington DC, 2005.
30. Talley P. F., Strupp H. H., Butler S. F. (eds.). Psychotherapy Research and Practice. N. Y., 1994.

Development of Psychotherapy as an Object of Holistic Understanding and Systemic Research

N. S. Burlakova

Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Neuro- and Patho-Psychology Chair, Department of Psychology, the M.V. Lomonosov Moscow State University

V. I. Oleshkevich

Ph.D. in Philosophy, Clinical Psychologist of the Highest Category, Child Health Clinic № 67

The article presents critical analysis of psychotherapy research conducted in the modern psychology and it shows the lack of thorough methodological elaboration. A new approach to understanding the essence of psychotherapy is proposed. This approach also addresses the development of psychotherapy as a fundamental phenomenon that occurred in the European culture as a historical need, i.e. as a cultural and historical phenomenon in the full sense of the word. The essence and the integrity of psychotherapy can be understood only from within the development of a new psycho-technical culture in Europe. Based on this understanding a holistic, systemic and genetic approach to psychotherapy and feasibility of its examination is proposed. The steps of examining this approach and directions for the specific research are outlined relevant for this theoretical framework and research. Detailed attention is paid to the levels of functioning and development of the psychotherapy. The methodological bases of transitions in research from one level to another, up to the analysis of individual cases are proposed. The results obtained by the authors within this research framework are outlined and summarized.

Keywords: holistic understanding and systemic research of psychotherapy, cultural-historical approach to the study of psychotherapy, psycho-technical culture, history and logic of the psychotherapy development, social basis and social sources of the emergence of psychotherapy, methodological frameworks for psychotherapy research.

References

1. Burlakova N. S. Vnutrennii dialog v strukture samosoznaniya i ego dinamika v processe psihoterapii: Dis. ... kand. psihol. nauk. MGU im. M. V. Lomonosova, 1996.
2. Burlakova N. S. Funkcional'no-strukturnyi analiz deyatelnosti psihoterapevta // Zhurnal prakticheskogo psihologa. 1997. № 5.
3. Burlakova N. S., Zaryanik V. V. Professional'noe razvitie psihoterapevtov i osobennosti ih psihoterapevticheskoi praktiki (obzor rezul'tatov mezhdunarodnogo issledovaniya) // Zhurnal prakticheskogo psihologa. 2009. № 6.
4. Burlakova N. S., Oleshkevich V. I. Detskii psihoanaliz: shkola Anny Freid. M., 2005.
5. Burlakova N. S., Sokolova E. T. O nekotorykh rezul'tatah vnutridialogicheskogo analiza psihoterapii // Mir psihologii. 1996. № 3.
6. Vasilyuk F. E. Kul'turno-antropologicheskie usloviya vozmozhnosti psihoterapevticheskogo opyta // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2007. № 1.

7. *Venger A. L.* Kul'tural'nyi podhod v psihoterapii // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2006. № 1.
8. *Vorob'eva L. I.* Psihoterapiya kak novaya antropologicheskaya praktika // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2008. № 2.
9. *Kehele H., Tome H.* Sovremenniy psihoanaliz: issledovaniya. SPb., 2001.
10. *Lorencer A.* Arheologiya psihoanaliza: intimnost' i social'nye stradanija. M., 1996.
11. *Lyuborski L.* Principy psihoanaliticheskoi psihoterapii. M., 2003.
12. *Mamardashvili M. K.* Kak ya ponimayu filosofiyu. M., 1992.
13. *Oleshkevich V. I.* Istoriya psihologii kak istoriya psihotekhniki // Metodologiya i istoriya psihologii. 2007. T. 2. Vyp. 2.
14. *Oleshkevich V. I.* Istoriya psihotekhniki. M., 2002.
15. *Oleshkevich V. I.* Nekotorye podhody k metodologii psihologii // Metodologiya i istoriya psihologii. 2007. T. 2. Vyp. 1.
16. *Oleshkevich V. I.* Psihologiya i psihoterapiya A. Adlera. M., 2010.
17. *Oleshkevich V. I.* Rozhdenie novoi psihotekhnicheskoi kul'tury. M., 1997.
18. *Rodzhers K.* Stanovlenie lichnosti. Vzgljad na psihoterapiyu. M., 2001.
19. *Sokolova E. T.* Psihoterapiya: teoriya i praktika. M., 2002.
20. *Sokolova E. T., Burlakova N. S.* K obosnovaniyu metoda dialogicheskogo analiza sluchaya // Voprosy psihologii. 1997. № 2.
21. *Tome H., Kehele H.* Sovremenniy psihoanaliz: V 2 t. M., 1999.
22. *Fromm E.* Missiya Zigmunda Freida. M., 1996.
23. *Fuko M.* Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epohu. M., 1997.
24. *Ellenberger G. F.* Otkrytie bessoznatel'nogo: V 2 t. T. 1, 2. SPb., 2001, 2004.
25. *Yung K. G.* Problemy dushi nashego vremeni. M., 1994.
26. *Garfield S. L., Bergin A. E.* (eds.). Handbook of Psychotherapy and Behavior Change, 3rd edn. N. Y., 1986.
27. *Grawe K., Donati R., Bernauer F.* Psychotherapie im Wandel. Von der Konfession zur Profession. Göttingen, 1994.
28. *Kachele H.* Narration and observation in psychotherapy research. Reporting on a 20 year long journey from qualitative case reports to quantitative studies on the psychoanalytic process // Psychotherapy Research. 1992. V. 2. № 1.
29. *Orlinsky D. E., Ronnestad M. H.* How psychotherapists develop: a study of therapeutic work and professional growth. Washington DC, 2005.
30. *Talley P. F., Strupp H. H., Butler S. F.* (eds.). Psychotherapy Research and Practice. N. Y., 1994.